

П. ЛИЛИЕНФЕЛЬД¹

ОРГАНИЧЕСКИЙ МЕТОД В СОЦИОЛОГИИ

Введение

Учение о методе в социологии явилось основной темой выступлений на третьем Международном социологическом конгрессе, который состоялся в Париже в прошлом году² и где я имел честь быть президентом. Материалы конгресса были опубликованы в четвертом томе его трудов³.

Об органическом методе на конгрессе были высказаны самые противоречивые мнения. Здесь нашли своих защитников органические, психологические, исторические, антропологические и этнографические сравнительные методы. Речь шла при этом не только о способе и успехах в исследовании социальных наук, но и о том, должна ли социология стать позитивной наукой, каковой является биология.

* * *

С тех пор как человек вышел из животного состояния, он всегда жил в человеческом союзе с подобными ему. Человеческую способность, талант и физическую энергию он приобрел только в общении с другими людьми. Только через социальную жизнь стал прачеловек первобытным человеком, а этот постепенно — культурным человеком. С возникновением человека возникло и человеческое общество. В своих потребностях, стремлениях и духовных способностях стал первобытный человек высшим видом в иерархии живых существ. Он находился в прямой зависимости от окружающей его среды как и последующие поколения людей, но с самого начала он чувствовал, ду-

---

¹ Отдельной брошюрой доклад П. Лилиенфельда, посвященный органическому методу в социологии, вышел в Берлине в 1898 г. на немецком языке и до настоящего времени не был переведен на русский.

² Имеется в виду 1897 г.

³ Annales de l'Institut International de Sociologie. Paris, 1898. T.IV.

мал и действовал по тем же законам, что и современный культурный человек. Подобным образом шло и становление человеческого общества, которое следовало тем же законам, что и современные государственные образования. На всех ступенях исторического развития совокупность людей оставалась основным элементом социального взаимодействия между отдельными частями общества и их внутреннего строения и основой многочисленных связей человека с внешним миром. Переход от низших ступеней развития к более высоким был ознаменован постепенным преобразованием и изменением. Конфликты между отдельными группами вели к захватам, политическим переворотам, к истреблению народностей и рас, подобно столкновению отдельных индивидов. Победитель представлял собой постепенно приобретенный капитал физической и психической энергии. Вместе с тем шло вытеснение и разрушение ослабевших, неразвившихся элементов. Последние возникли, хотя и среди других климатов, и других физических и социальных влияний, были детерминированы социальной эволюцией. Появление социальных элементов наиболее сильных и высокоразвитых было следствием перехода от низших ступеней развития к высшим.

В каких отношениях будут находиться законы развития человеческого общества с всеобщими законами? Какие органические и неорганические энергии действуют в природе? Как нет ни абсолютного субъекта и абсолютного объекта, так и не может быть абсолютно субъективного и абсолютно объективного, дедуктивного и индуктивного метода. Отсюда при исследовании закономерности явлений можно говорить только о преимуществе того или иного метода. Это преимущество придает учению особый характер. Природоведение пользуется методом, в котором преобладает индуктивный характер, и обязано ему своим огромным успехом. В социологии преобладает до сегодняшнего дня преимущественно априорный и дедуктивный метод. Результаты этого явления до сих пор негативны. Из-за полного хаоса в социологической области не открываются социальные законы. А то, что некоторые экономисты, статистики, этнографы, исто-

рики и социологи выдают за социальные законы, может быть сведено к случайной причинной связи между отдельными отношениями, лицами или фактами.

Из огромного числа случайных фактов, например совпадение повышения цен с ростом преступности и самоубийств, еще не вытекает социальная закономерность. Еще менее она вытекает из длинного ряда дат и цифр. Эти так называемые законы выведены по статистическому методу. То же самое можно сказать об историческом методе, который применяется до настоящего времени. Можно исследовать точнее причинную связь между явлениями; для исследования такой связи нет необходимости углубляться, так как она сама определяется случайными факторами. Это доказал еще до своей смерти Трайчке⁴, который не смог выявить закономерность в истории. Статистические и исторические методы полностью установлены, за исключением положения о закономерной связи социальных явлений с явлениями природными. Человеческое общество и природа представляются сторонникам этих методов как две совсем различные сферы, которые соприкасаются друг с другом только внешне.

Сторонники органического метода в социологии или органики, как их называли некоторые социологи, поставили перед собой задачу: установить связь между природоведением и социальными науками, а также доказать единство законов в природе и обществе. В силу того что в каждой науке разностороннее и сложное объясняется из простого, то органики должны искать основу для установления научной системы в биологии и физиологии. Так как биология и физиология были основаны на химии, а последняя на механике, то они должны были искать основания для социологии. В этом случае индуктивный метод должен служить руководством для сравнения общественных явлений с природными.

Известный физиолог Иоган Мюллер сказал: «Психология — это то же самое, что физиология». Органики переделали это вы-

---

⁴ Трайчке — один из немецких социологов в XIX в. (Примеч. ред.).

ражение так: «Социология — это биология». Органики не отрицают право на существование статистических, исторических, чисто дедуктивных методов, но они в области социологии рассматривают все эти методы как вспомогательные. Социология, в которой они применяют органический метод и исследуют закономерности социальных явлений, служит им одновременно вспомогательным средством для исследования культуры и философии истории. Возникает необходимость во взаимной помощи, но это возможно только тогда, когда каждая наука может обработать свою собственную область подобающими способами и не на чужой почве, на которой она может породить только беспорядок. Если социолог применит исторический метод, то он станет историком культуры, статистический — будет экономистом, если погрузится в априорно собранные общие взгляды, то он станет метафизиком. Во всех этих случаях исследователь хочет быть социологом, но социология при этом теряет всякое право на существование. Социология обязана антиорганикам, научный характер теорий которых до сегодняшнего дня еще оспаривается, тем, что они создают основу для общих идей, понятий, результатов исследований, взятых из других областей. Лишь применение органического метода может поднять социологию до самостоятельной науки. Лишь благодаря связи с природоведением сможет она достичь цели: обосновать закономерности явлений.

Теперь попытаемся определить линию, по которой будет осуществляться связь социологии с природоведением. Профессор Макс Ферворн в своем произведении «Всеобщая физиология» дает следующее определение понятия биологической личности: «Личность является единой массой живой материи, которая под влиянием внешних условий способна жить самостоятельно». Это определение Ферворн применяет как к отдельным организмам, встречающимся в природе, так и к пространственно связанным и сплоченным в группы организмам, которые могут существовать отдельно один от другого, но которые все вместе образуют одно целое. В качестве примера ученый приводит му-

равейник, в котором отдельные части, как члены организма, действуют едино. Различие между кораллами и муравейником, по Ферворну, в том, что у кораллов личности низшего порядка, и они связаны воедино, в то время как в муравейнике личности пространственно отделены. С этим определением личности согласится, без сомнения, каждый глубокомыслящий естествоиспытатель. И здесь в результатах биологии находится ключ к решению проблем социологии. Муравейник состоит из таких особей, которые могут определяться как личности. Но это представляет собой все еще коллективный способ жизни, который остановился на самой низшей ступени развития. Такое, видимо, сохранится и в будущем. Личности, составляющие муравейник, действуют только по определенным инстинктивным нормам, нарушать которые они не в состоянии.

Какие органические сообщества возникают на следующих этапах развития? — Это составленный людьми мир, который обязан своим возвышением над уровнем животного мира внутренней способности к постепенному прогрессивному развитию. В силу физиологической необходимости, по которой действует клетка в отдельном организме, проявился в животном мире инстинкт, так и в человеческом обществе возникает сознательное действие образующих мир личностей. Отличие человека от животного формировалось постепенно, как и отличие человеческого общества от животного мира. Животный мир представляет собой личность, что доказано, человеческий мир — тоже личность и должен восприниматься как реальный организм.

Сохранят ли отдельные страны мира в будущем свою целостность, как единый высший организм, который окружит и объединит все человечество? При нынешней стадии культуры мир еще представляет собой высшее единство находящихся во взаимодействии людей. Но все, что мы принимаем на счет мира в нашем обсуждении, применимо ко всем социальным союзам в реальном органическом смысле. Господин Макс Ферворн различает в мире организмов, как и большинство других естествоиспытателей, пять различных уровней: клетки как элементарные

организмы; ткань, которая состоит из клеток; орган, который образуется из ткани; личности, которые представляют соединение органов; наконец, страны, которые состоят из союзов личностей. Каждое высшее образование включает в себе иерархически все низшие. Отсюда составляющие страну лица представляют собой не простое соседство, подобно деревьям в лесу, соломинкам в поле, случайно блуждающим вместе зверям, а высшую индивидуальность, организм. Подобного рода унифицирование может быть достигнуто только иерархическим подчинением образующих общество элементов. В мире муравьев и пчел это подчинение находит свое выражение в объединении и разделении образующих общество элементов на работающих, не работающих или выполняющих только специальные виды работ, на господствующие и служащие классы. В мире пчел это унифицирование наглядно подтверждается центральной фигурой — королевой пчел. В человеческом обществе отдельные лица объединяются также сначала в простые союзы, как семья, клан. Эти затем объединяются в более сложные, как народность, различные экономические союзы. В конечном счете из них развиваются более высокие господствующие классы, центральные органы, которыми представлено государственное единство. В человеческом обществе, таким образом, повторяется такое же иерархическое построение, при помощи которого также и в более низких обществах строится индивидуальность: отдельные лица соответствуют клеткам, простые социальные союзы — тканям, сложные — органам, государственные власти — центральным органам. В растительных и животных организмах непосредственное соприкосновение образующих ткани и органы клеток лишь кажущееся. В природе не существует абсолютно непроницаемого тела, как и не существует непосредственного соединения элементов даже в самых твердых телах. В этой связи речь может идти в большей или меньшей степени о пространственных отношениях. Газообразные тела состоят из молекул, которые находятся друг от друга дальше, чем те, при помощи которых образуются жидкие субстанции; последние состоят

снова из молекул, которые влияют друг на друга на большем расстоянии, чем молекулы твердых тел, но все они все же образуют всегда только тела.

Точно так же и любое человеческое общество является индивидуумом, подобно обществу пчел и муравьев, последние, в свою очередь, являются индивидуумами, подобно клеточному организму, хотя пространственные условия, в которых осуществляется процесс подчинения единому целому, очень отличаются друг от друга. В конкретном организме дифференцированная клетка более тесно связана с определенными тканями и органами, в обществе связи между людьми проявляются слабее. Клетка, входящая в структуру скелета, не может переместиться произвольно в мускульную ткань или ткань нервной системы, процесс дифференциации, который она проходит, является односторонним и в целевом отношении законченным. Но в организмах имеются блуждающие клетки, например красные кровяные тельца, лейкоциты, сперматозоиды. Люди, составляющие общество, как правило, являются блуждающими клетками, но с психологической точки зрения и они, как более или менее дифференцированные клетки, объединены в семьи, классы и режимы в рамках общества. В кастовом и рабовладельческом обществе эта связь более жесткая, в демократическом государстве более свободная. Но абсолютная свобода почти отсутствует как в одном, так и в другом.

Различие между отдельными порядками, представляющими индивидуальности, в существе своем определяется не пространственными и временными условиями, а действием энергии. Взаимодействие клеток в организмах обуславливается только механической, химической и физиологической энергией. Среди зверей эти виды энергии наблюдаются в форме инстинкта, в обществе инстинкт постепенно приводит к полусознательной, а, наконец, и к осознанной совместной жизни, совместным переживаниям, мыслям и желаниям.

Любой человеческий индивидуум представляет, если абстрагироваться от его организма как чисто физической сущности,

капитал психофизической энергии, накопленный в результате общения и унаследованный от предков, начиная с первобытного человека, что и позволяет ему совместно с себе подобными чувствовать, мыслить, жить. Этот капитал, как и чисто физические задатки, является унаследованным, поэтому каждый человек своим происхождением связан с конкретной семьей, расой, национальностью. Но унаследованный психофизический капитал является одновременно капиталом дифференцированным в результате общественной жизни прежних поколений, капиталом определенных духовных, этических, эстетических задатков, способностей и уровней развития. Этот унаследованный капитал можно увеличить или иначе дифференцировать в процессе воспитания. Но в каждом случае воспитание будет иметь своим объектом уже сложившийся материал из латентной психической энергии. Домашнее животное можно поднять лишь на очень низкий уровень интеллекта и приучить его выполнять лишь очень небольшое число заданий; то же самое относится и к представителю низшей расы. Поэтому каждый индивидуум не только связан с определенными формациями в силу своего происхождения, но и в силу унаследованных психических задатков, а также полученного воспитания должен выполнять определенные функции в жизни общества.

Эта, обусловленная происхождением, наследством и воспитанием, иерархия образует основу любого общества как первобытного, так и эпохи цивилизации. Даже на высоких ступенях культуры, наряду с психической внешней энергией, будет постоянно действовать низшая: механическая, физиологическая энергия и энергия инстинкта. Это касается как государства, так и отдельной личности.

Человек как житель планеты Земля никогда не освободится от своего происхождения из неорганической и органической материи. Он всегда будет удовлетворять свои физические потребности посредством материальных средств. Часть необходимой для этого работы будут выполнять по мере развития культуры компоненты окружающей человека среды (машины, транспорт-

ные средства, кулинарное искусство), но никогда нельзя будет привести к нулевой точке механическую и физиологическую работу, выполняемую собственно человеком, как и потребление материальных ценностей. Даже существование и развитие наиболее развитого цивилизованного государства будет постоянно зависеть от материальных средств.

Зависимость человека от материи проявляется не только в Удовлетворении его физических потребностей, но также и при развитии психических задатков и способностей. Накопление и освобождение психической энергии постоянно сопровождается механическими, химическими, физиологическими процессами в нервной системе индивидуума, молекулярные составные части которой претерпевают при этом изменения. Образуются новые ткани и органы, от низших к высшим по мере поступательного развития; в процессе регресса высшие атрофируются и преобразуются в низшие. На протяжении всей истории человечества таким образом постепенно образовались преимущественно сконцентрированные в мозгу человека высшие органы и были переданы от одного поколения к другому посредством постепенного накопления латентной психической энергии. Эти высшие органы нервной системы как материальные носители духовных, этических и эстетических задатков и способностей являются продуктом социальной жизни и, в свою очередь, образуют источник жизни, благодаря которому возможно взаимодействие в обществе.

Попробуем теперь разобраться, посредством каких средств и какими путями происходит накопление и освобождение психической энергии в недрах общества.

Если не принимать во внимание акт рождения, необходимый уход в раннем детстве и некоторые обычаи, как пожатие руки, поцелуй и т.д., то можно утверждать, что цивилизованный человек может жить в обществе десятилетия, не входя в механический контакт с себе подобными, разве только что случайно. И все же он постоянно взаимодействует с другими членами общества. Средства, благодаря которым возможно это взаимодей-

ствие, можно разделить на три категории: слово, письменность, продукты искусства, последние — в наиболее широком значении. Язык и некоторые виды искусств, например музыка, возбуждают посредством колебаний в воздушной среде наши слуховые нервы; письменные знаки и произведения пластических искусств: здания, монументы, статуи, картины воздействуют на зрительные нервы посредством колебаний эфира. Окружающая нас физическая среда оказывает определенное раздражающее воздействие на наши внешние органы чувств: глаза и уши. «Раздражение» является в биологии очень широким понятием. Любое воздействие внешних факторов на организм можно в определенном смысле рассматривать как раздражение.

В чем же заключается действие раздражения? Любая живая субстанция обладает способностью реагировать на внешнее раздражение, при этом происходят изменения и нарушения в молекулярном и динамическом равновесии. Аналогичное действие оказывают в наших высших внутренних органах нервной системы раздражения внешних органов чувств, обусловленные восприятием слова, письменного знака, произведения искусства. Высшие внутренние органы в свою очередь реагируют на внешние раздражения, освобождая накопленную нервную энергию и преобразуя молекулярные составные части.

Как в неорганическом мире, так и в мире живых организмов не существует определенного соотношения между качеством и интенсивностью раздражения и действием раздражения. Незначительный механический удар может привести к сильному химическому процессу, что наблюдается у всех взрывчатых веществ. И, наоборот, при сильном внешнем раздражении воздействие может совсем не произойти, например при приближении магнита к деревянному предмету и т. д.

В процессе психофизического взаимодействия между людьми в обществе это неправильное соотношение может проявляться более сильно.

Если собравшаяся в закрытом помещении публика слышит слово «пожар», то она бросается к выходу, где возникает борьба

не на жизнь, а на смерть. Одни при этом парализованы страхом, у них в жилах застывает кровь, другие развивают необходимую физическую активность, надеясь криками и метаниями пробиться к воздуху. Одно единственное слово «огонь!» оказало на собрание людей такое же воздействие, какое оказывает зажженная спичка на пороховой склад, в результате взрыва которого погибает многолюдный город. В первом случае было достаточно напрячь голосовые связки, а во втором — сделать легкое движение рукой, чтобы достичь результата.

Разосланная в телеграммах и газетах во все стороны света весть об объявлении войны между двумя великими державами приводит многочисленные группы людей в волнение; торговля прекращается, происходит дислокация больших скоплений войск, и все это только в результате воздействия моментальных колебаний эфира на зрительные нервы. Подобное воздействие раздражения можно объяснить только огромным накоплением психофизической энергии, которая хранится в каждом отдельном индивидууме и в обществе, как коллективном индивидууме. Освобождение такой латентной психофизической энергии может привести к уменьшению ее запасов, но также и к увеличению через одновременное и последующее преобразование молекул в высших органах нервной системы. Если я читаю хорошо написанную книгу, продуманное философское сочинение, если я слышу прекрасную мелодию или рассматриваю талантливо выполненное произведение искусства, то воздействие раздражения также сопровождается освобождением психофизической энергии, но в результате одновременно обусловленного динамического качественного преобразования в моих внешних органах чувств я ощущаю одновременно приток силы и духовный подъем. Противоположный результат дало бы чтение аморального произведения, запутанной философской системы, прослушивание дисгармоничной музыки, рассматривание безвкусного произведения искусства.

Теперь предположим, что слово «огонь», а также весть об объявлении войны производятся на языке, который никому не

понятен. В этом случае воздействие раздражения не наблюдается. Речь, которую никто не слушает, рукопись или книгу, которую никто не читал, спектакль без зрителей, картина, которую никто не смотрел, представляют мертвую материю, бесцельную работу, если их не рассматривать как полезные упражнения.

Из вышесказанного следует, что культура лишь тогда имеет истинную ценность, когда человеческий индивидуум как жизненный элемент, образующий социальные ткани, органы и государство, духовно развивается благодаря этой культуре, становится морально лучше, эстетически возвышеннее, физически здоровее.

С увеличением до бесконечности масштабов производства материальных ценностей, вещей при неравномерном и беспорядочном их распределении между членами и классами общества, цели, стоящие перед человечеством в области культуры, остаются во многом недоступными.

Более подробно мы остановились на этом вопросе в нашей «социальной патологии», разделив циркулирующие в обществе товары на положительные, отрицательные и нейтральные потребительские ценности. Остается лишь добавить, что наша позиция в этом вопросе полностью соответствует основам христианства, главной задачей которого является совершенствование личности и которое объявляет ненужными слово, если оно не доходит до сердца, таинство, если оно воспринимается равнодушно, и веру, если она не живительна.

Если сравнить взаимодействие личностей в общественном организме с жизненными процессами, происходящими в нашем теле, то будет видно, что они аналогичны прежде всего взаимодействию клеток в нервной системе и особенно в ее высших органах, которые являются материальными носителями индивидуальных чувств, мыслей и желаний. Нервные клетки оказывают возбуждающее действие друг на друга, дифференцируются между собой и потенцируются по отношению друг к другу и специфическим тканям и органам; при этом накапливают психофизическую энергию и освобождают накопленную ранее.

Каждая клетка нервной системы индивидуума прошла развитие в биологическом смысле через определенные этапы, через приспособление к внутренней органической среде, через борьбу за существование и естественный отбор, и в результате постоянных взаимных раздражений образовала функциональные способности и гистологические образования специфической нервной ткани и органа, которому она принадлежит. Так и первобытный человек, как часть совокупной реальности, как клеточный элемент постоянно преобразующихся социальных систем превратился в цивилизованного человека аналогичным образом, исторически, в результате смены бесчисленных, совместно чувствующих, думающих и желающих поколений.

Вызываемое в клетках и органах раздражение в момент воздействия на нервную систему в биологии и психологии обозначается как рефлекс. По своей сущности любая совместная жизнь и взаимодействие людей в рамках общественных союзов заключается в действии рефлексов. В психологии под понятием «рефлекс» прежде всего понимается автоматически происходящее действие раздражений в нервной системе индивидуума. Но различие между автоматическим, полусознательным и осознанным действием определено не выражено. Поэтому современными психологами понятие рефлекса распространяется на любое взаимодействие тканей и органов в момент раздражения. Однако в социальном организме, вследствие большей подвижности к автономии отдельных клеточных элементов, к прямым, переданным в нервной системе индивидуума посредством нервных волокон рефлексам, добавляются косвенные, обусловленные чтением или восприятием произведения искусства. То, что действие косвенных рефлексов по своему существу идентично действию прямых рефлексов, вытекает с очевидностью, и помимо сказанного из того факта, что они (рефлексы) взаимозаменяемы и что при этом конечный результат остается неизменным. Известие о смерти родственника или друга оказывает одинаково сильное действие и в случае, если оно получено непосредственно, устно, от лица к лицу, и в случае, если оно получено через

механизм косвенных рефлексов, т.е. посредством письма и телеграммы. А превращение энергии ганглиевых клеток нашего мозга, этого наиболее близкого социальному организму естественного «клеточного государства», дает нам модус, характеризующий переходный процесс от прямого к косвенному рефлексу. Имеются результаты наблюдений, согласно которым дендриты (ответвления ганглиевых клеток) одной ганглиевой клетки субстанционно не связаны с нервными волокнами (продолжениями) других клеток, на которые они оказывают раздражения; между ними существует зазор. Обмен энергии в этом случае происходит между ганглиевыми клетками, хотя он и не наблюдается; контакт между дендритами и нервными волокнами устанавливается посредством зазора.

Завершенная рефлекторная дуга состоит из центрального соединительного звена между воспринимающим и реагирующим на раздражение элементами. Явление рефлекторной дуги в его завершенном виде можно наблюдать в государстве, если, например, раздражение достигает центральных органов, правительства, и происходит реакция правительства в виде различных мер, распоряжений и т. д. Но так же и при взаимодействии различных членов и групп общества раздражения сохраняют характер рефлексов, в то время как и при них наблюдаются главные моменты процесса: восприятие раздражения через органы чувств и реагирование освобождением психофизической энергии, образованием новых молекулярных уровней, связыванием новых динамических элементов. О дефинициях в этом плане можно спорить долго. Для социологии большое значение имело бы утверждение и принятие терминологии, которая указывала бы на взаимосвязь между социологией и общей биологией, и позитивной психологией. Попытку разработать подобную терминологию мы предприняли в наших предыдущих работах. Наука, не обладающая собственной терминологией, не может поддаваться определению и никогда не будет признана самостоятельной. Каждый исследователь будет использовать в данной области свой собственный вокабуляр и таким образом давать

повод для бесконечных дискуссий. Без четкой терминологии невозможно и классифицировать явления, соответствующие исследуемому объекту. Каждый исследователь будет вводить в науку вместе со своим словарем собственную классификацию.

Во всех отраслях естествознания уже указывается при помощи терминологии исследуемых явлений на связь с теми из них, которые принадлежат к смежным, а именно простым и низшим областям знаний. Мы думаем, что будем верны этому правилу, если обозначим взаимодействие индивидуумов в жизни общества как действие рефлекса.

Именно по этой причине мы обозначили общественный организм как нервную систему. Между словами система и тело в биологии не делается никакого различия. Наше тело состоит из различных систем клеток, тканей и органов, скелета, мускульной, вазомоторной и нервной систем, и все это образует одно и то же тело. Слово «система» было бы предпочтительнее по отношению к социальному организму в той степени, в какой оно указывает на более свободную механическую связь между отдельными элементами. Так небесные тела, вращающиеся вокруг Солнца, также образуют систему. Но различие, как мы уже сказали выше, большого значения не имеет; оно относительно. Наша Солнечная система могла бы показаться наблюдателю, находящемуся вдалеке от Млечного пути, как сам Млечный путь — в виде газообразных или светящихся тел.

Социальной нервной системе мы противопоставили, по аналогии с находящимися в теле, но не ассимилированными питательными веществами, выделенными из клеток, тканей и органов, общественную межклеточную субстанцию. В широком смысле сюда относятся все материальные ценности: земля, вода, атмосфера, физическая среда в целом, в которой распределены и перемещаются отдельные элементы общественного организма. В узком смысле к общественной межклеточной субстанции мы относим все те находящиеся в обществе в обороте полезные предметы, которые используются индивидуумами для удовле-

творения их потребностей, подобно тому, как растения ассимилируют циркулирующие в них соки, а животные — пищу.

Противники органического метода постоянно путают общественную межклеточную субстанцию, которая является мертвой, т. е. вещами, с живыми элементами общественного организма, представленными личностями, из которых образуется социальная нервная система. Поэтому антиорганики составляют себе запутанную картину социального организма и из хаоса своих собственных представлений черпают опровержения; именно они утверждают, что защитники органического метода идентифицируют телеграфные провода с нервами, а железнодорожные станции с нужным социальному организму количеством сердец. Телеграфные провода, железная дорога со своими строениями являются вещами; они могут использоваться социальной нервной системой как потребительские ценности в различных целях, но не способны сами образовать живую субстанцию. В общественной межклеточной субстанции проектируется деятельность индивидуума и общества, подобно тому как растения и животные вначале механически, морфологически и физиологически перерабатывают находящиеся в их распоряжении питательные и защитные средства, прежде чем ассимилировать их или употребить. Так и любой состоящий из материальных ценностей капитал является мертвым, пока содержащаяся в нем энергия не будет ассимилирована личностями. Мертвый капитал как часть межклеточной субстанции представляет проекцию накопленной в человеческой личности психофизиологической энергии. Опровержения антиоргаников в этом плане являются напрасными усилиями.

Основной тезис органиков: в обществе нет ничего, чего нет в природе. Этот тезис не может быть поколеблен ни с идеалистической, ни с материалистической точек зрения. Так как идеалисты на основании этого метода должны были бы прийти к выводу, что бог как в природе, так и в обществе управляет по одним и тем же законам. Исходя из этого идеалисты могли бы дополнить этот тезис словами — кроме бога. Подобно этому спириту-

алисты дополнили бы тезис сенсуалистов — в интеллекте нет ничего, чего не было в чувствах — словами: кроме бога. Материалисты же, отрицая существование высших духовных сил, в свою очередь вынуждены прибегать к тому же самому тезису. Поэтому ни с одной, ни с другой стороны не могут быть поколеблены основы органической теории.

Ранее с полным правом говорилось о том, что девизом социологии является борьба с предрассудками. Предрассудки современного общества происходят не от давно преодоленного суеверия в существование чертей и ведьм; в настоящее время они подогреваются ложными научными воззрениями, духом партийности и политическими страстями, которые, подобно религиозным, в средневековье принимают форму фанатизма.

Разработанная на естественнонаучной основе социология считает своей задачей как раз борьбу с подобными предрассудками, что и объясняет причины недружелюбия и вражды, которыми она окружена со всех сторон.

Прежде чем продолжить наш разговор, мы должны обратить ваше внимание на то значение, которое имеет применение органического метода в социологии для биологии и физиологии.

Если человеческое общество является реальным организмом, то оно должно быть подвержено обмену веществ, форм и энергии. Господин Ферворн обозначает лежащий в основе обмена веществ принцип как непрерывное накопление потенциальной химической энергии и превращение последней в другие формы энергии. В социальном организме первоначальная химическая энергия потенцируется в специфическую психическую энергию, и обмен веществ в нем получает характер обмена психической энергией. Этот обмен психической энергией в свою очередь сопровождается соответствующим обменом веществ и обмен формами, о чем мы говорили раньше. Итак, процессы, происходящие в социальном организме, в принципе такие же, как и в мире живых организмов. Но энергетика принадлежит к самой темной и неисследованной области физиологии; недостаточно

объяснен переход энергии из одной формы в другую, а понятия отдельных форм энергии до сих пор не установлены.

Теперь возникает вопрос—не может ли пролить свет на процессы в отдельных организмах, происходящий на более высокой ступени и более широкой базе обмен веществ в социальном организме, если мы используем метод сравнения? Высказывание Иоханесса Мюллера — «физиология, если она становится сравнительной, дает лишь дефинитивные результаты» — в широком смысле должно быть объяснено включением социального организма в круг физиологических исследований.

Эмбриология является столь же темной областью, как и энергетика. Хорошо известно, что простая клетка размножается делением и что в дочерних клетках этот процесс продолжается. Но каким образом в многоклеточных организмах отдельной клетке удастся повторить эволюцию всего организма после того, как она выделилась из зародышевой клетки, остается до сих пор непонятным. В Германии эмбриологи разделились на два лагеря: преформисты — Хиз, Руз и Вайссман, отстаивающие учение о зародышевых областях, образующих органы, и, с другой стороны, сторонники учения об эпигенезисе — Пфлюгер, Хертвиг, Дриш и Хекель, приписывающие решающее значение внешним факторам при эмбриологическом преобразовании клетки. В Англии Дарвин в свою очередь разработал теорию пантогенеза.

Наипростейшим клеточным элементом социального организма является человеческая личность. Внешне органы нервной системы, отличающие от животных, являются результатом психофизического обмена энергией, происходившего в обществе на протяжении всего доисторического и исторического развития, т.е. начиная с первобытного человека.

Поэтому уже ребенком каждый индивидуум вступает в более высокую общественную формацию с уже готовыми, унаследованными от своих предков задатками. То же самое происходит и с каждой отдельной клеткой, которая рождается внутри многоклеточного организма. Оба, таким образом, несут в себе унаследованные задатки, хотя и с различной степенью накопле-

ния энергии; оба после рождения должны приспособиться к органической среде, к которой они принадлежат, вступать с ней во взаимодействие; оба в результате воздействия раздражений всего организма и отдельных частей потенцируются далее и дифференцируются самым разнообразным образом. В обоих случаях этот процесс по своему существу является воспитательным процессом. Только в обществе этот процесс осуществляется в более больших временных и пространственных масштабах. Поэтому сравнение эмбриологического процесса в мире организмов с тем, что в обществе понимается как воспитание в самом широком смысле слова, могло бы пролить свет на механизм развития в физиологии.

По этой причине учение о социальном организме могло бы оказать службу также и позитивной психологии. Социальный обмен энергии вытекает из результатов ... иннервации... в нервной системе индивидуума. Генезис чувствования, мышления и желания в индивидууме полностью однороден с совместным чувствованием, мышлением и желанием в социальном организме, поэтому и нервная система индивидуума и действие раздражений в ней должны быть аналогичны нервной системе общества и превращению энергии в ней благодаря прямым и косвенным рефлексам. Посредством прерывания социальной иннервации при косвенном действии рефлексов превращение энергии в социальной нервной системе приостанавливается и претерпевает деление на две особые части, в результате чего социальный процесс иннервации более четко вырисовывается перед исследователем, чем тот, который происходит в нервной системе индивидуума, а именно в мозгу, объединяющем в ограниченном пространстве миллионы клеток. Выше мы заметили, что передача раздражения от одной ганглиевой клетки к другой происходит в нашем мозгу не субстанциональным путем, как в других клетках, а посредством косвенного контакта. Характер передачи раздражения можно объяснить только по аналогии с действием косвенных рефлексов в социальной нервной системе. Поэтому также и психология должна включать в круг своих индукций

учение о социальных организмах, чтобы расширить свою сравнительную базу.

Немалым преимуществом органического метода является представление об обществе как о клеточном государстве, что придает социологии значение целлюлярной социологии. Целлюлярная физиология и целлюлярная психология еще находятся в процессе возникновения. Таким образом, социолог начинает свой путь с точки, которую вышеназванные науки лишь стремятся достичь. Социолог мог бы помочь естествоиспытателям и психологам достичь этой желанной цели, используя результаты социологии и биологии. С нашей точки зрения социальная патология может рассматриваться как целлюлярная патология по методу Вирхова.

Уже само открытие чисто экономических законов доказало значимость последних для биологии. Установленный Адамом Смитом¹ в экономической области закон о разделении труда обратил внимание физиологов на значение этого принципа для живых существ. Дарвин говорил о том, что на разработку теории отбора его натолкнул труд Мальтуса, посвященный закону перенаселения. Потому следует ожидать, что дефинитивное утверждение социологии приведет к тому, что результаты социологических исследований будут иметь пока еще труднопредсказуемое значение для естествознания и особенно для биологии и позитивной психологии.

И, наконец, необходимо обратить внимание на расширение взглядов на природу во всем объеме благодаря стыковке социологии с естествознанием. Система взглядов на природу станет при этом не только шире, но и глубже. А любое углубление взглядов на природу означает одновременно выигрыш для более идеального мировоззрения. Мы неоднократно указывали в прежних работах на значение органического метода в этом отношении, и адресуем читателя этой книги к ним.

Органический метод, подводя происходящее в обществе и природе под общий знаменатель, не только способствует уяснению многих воззрений, но и упрощает их в двух направлениях.

Вот например: философия права лишена в настоящее время какой-либо естественной основы. От естествознания ее отделяет бездонная пропасть, которую она не в силах преодолеть. В то время как социология, благодаря применению органического метода, представляет доказательство тому, что правовая жизнь в государстве обязана формообразующим общественным инстинктам, которые не только аналогичны морфологической энергии в отдельных организмах, но и однородны с ней. Этим самым она не только основывает всю область наук о праве на твердой почве естествознания, но и упрощает доступ к этой области, которая до сих пор покоилась на внешне запутанной и искусственной системе логических, этических и метафизических постулатов. Наблюдающиеся в правовой сфере аномалии в свою очередь аналогичны, как мы уже обстоятельно говорили ранее, гистологическим болезненным состояниям в отдельных организмах подобно тому, как экономические и политические побуждения и тенденции аналогичны унифицированным инстинктам и тенденциям в отдельных организмах. В этом плане перед социологами открывается нетронутое, широкое поле деятельности.

В Германии, насколько нам известно, органический метод в социологии был применен только Шефле и то с большими оговорками. Выдающимся сторонником этого метода во Франции необходимо признать Рене Вормса. В Англии, как мы уже видели, Спенсер и его школа остановились лишь на полпути. В Италии органический метод получил незначительное распространение. От дальнейшего литературно-исторического анализа нам придется отказаться, чтобы не выйти из установленных нами рамок.

При рассмотрении вопросов мы намеренно уклонились от словесной дискуссии. Известное изречение — там, где отсутствуют понятия, своевременно появляются слова — можно перефразировать по отношению к критикам всех времен следующим образом: там, где отсутствуют доказательства, возникают споры. Так как именно слова, какими бы бессодержательными

они ни были, способны создавать путаницу в науке, поэтому мы не должны забывать и эту задачу — защищать органический метод в социологии и с этой стороны.

В последнее время между социологами разгорелся спор вокруг вопроса — считать ли общественный союз естественным организмом или суперорганизмом. Если общество рассматривать как суперорганизм в том смысле, что социальные процессы представляют высшую потенцию той же самой энергии, которая наблюдается во всем мире организмов, то с точки зрения органического метода здесь возразить нечего. С полным правом можно было бы также противопоставить высший животный мир как суперорганизацию низшему животному и растительному мирам, а нервную систему обозначить суперорганизацией по сравнению с костной и мускульной системой. Но если это слово воспринимать не в относительном, а в абсолютном смысле, приписывая социальным процессам отличную от остального органического мира закономерность, то весь мир явлений делится на две части, которые не имеют ничего общего друг с другом. Тогда социология потеряет под собой твердую естественнонаучную почву и должна будет отказаться от титула позитивной науки. Но так как суперорганики не в состоянии представить доказательства абсолютного отличия естественных процессов от суперсоциальных, то это приводит к бесплодной дискуссии, которая никогда не закончится.

Точно так же обстоят дела с разграничением двух категорий потенциалов энергии, посредством чего происходящие в обществе процессы обретают двойной характер. Любой общественный союз должен быть, по мнению этих социологов, с одной стороны, результатом естественной необходимости, а с другой, результатом свободного волеизъявления людей. Под естественной необходимостью понимается при этом физическая среда, продукты питания, приспособления для защиты, производство потомства, рост и т. д. Общественные связи на языке французских и английских социологов являются, напротив, продуктом действия свободной воли отдельных или всех членов обще-

ственного союза. На этом мировоззрении основывается все учение об общественном договоре, главным защитником которого должен быть признан Ж. Ж. Руссо. Если в одном государстве вводится республиканская, а в другом монархическая форма правления, если в первом случае либеральное законодательство вступает в силу после голосования в Народном собрании или в парламенте, а во втором, волей монарха вводится консервативное установление в виде обязательной нормы, то это происходит, как думают конвенционалисты, в результате абсолютно свободных индивидуальных и социальных актов, не ограниченных какой-либо необходимостью; удовлетворение же физических потребностей индивидуума, а также чисто материальные процессы в социальной жизни испытывают влияние необходимых законов природы.

Попробуем теперь дать себе отчет в том, насколько индивидуум и общность людей свободны и в какой степени их нужно признать зависимыми от необходимости.

Необходимость дышать ставит человека в непосредственную зависимость от окружающей его атмосферы, он может обойтись без воздуха очень непродолжительное время, найти замену кислороду невозможно. Но в отношении питательных веществ он имеет большую свободу выбора, еще большую — в отношении выбора защитных средств: одежда, строения, оружие и т.д. Сфера самоопределения у цивилизованного человека относительно выбора места жительства, изобретения средств производства, обмена и накопления материальных ценностей, образования ассоциаций и т.д. расширяется. Но даже и на высших ступенях развития культуры человеческая свобода будет в той степени зависеть от естественной необходимости, в какой это необходимо для удовлетворения не только физических, но и психических потребностей посредством материальных средств.

С другой стороны, как индивидуум, так и общество при выборе и определении так называемых товарищеских отношений зависят от необходимости. Любой общественный союз вынужден вводить иерархию, чтобы унифицировать и упорядочить,

взаимодействие всех своих частей; любое общество, особенно если оно развивалось как самостоятельное государство, нуждается в правительстве, т.е. в центральном органе, который унифицирует общественные процессы. Любой правительственный орган может, в свою очередь, состоять лишь из людей, а эти находятся в зависимости от условий существования, как любая человеческая личность и государство в целом. В чем же заключается свобода членов общества относительно выбора республиканской или монархической формы правления? Она ограничивается тем, состоит ли центральный орган из одной личности или нескольких и как проходят выборы в монархии или республике. Деятельность центральных органов, как только она начинает сказываться в обществе, начинает сама испытывать влияние со стороны многочисленных внутренних и внешних условий (общественных). Каждое правительство вынуждено в своих мероприятиях учитывать местные условия, в которых находятся отдельные части социальной нервной системы, унаследованные населением физические и психические задатки, исторически обусловленное формирование общественных тканей и органов, достигнутый уровень культуры и т.д. Вышесказанное имеет отношение к проявлениям любой деятельности, которые имеют место в недрах общества. Если бы можно было сделать разрез любого социального тела, то мы бы убедились в наличии обоих факторов — свободы и необходимости, и так во всех сферах общественной жизни; лишь соотношение между свободой и необходимостью оказалось бы в различных сферах изменяющимся. А это как раз задача социологии как чистой науки — исследовать необходимость общественного развития, другими словами, необходимую причинную зависимость между социальными явлениями; и напротив, вопрос о свободной воле человека в условиях необходимости, вопрос использования причинной зависимости между социальными процессами в самом широком смысле слова в целях выработки целесообразного курса и достижения более высокого уровня развития должен решать

государственный деятель. Этот вопрос является также предметом искусства управления обществом.

Необходимо в этой связи, однако, заметить, что человек в большинстве случаев предается иллюзиям по поводу действительных границ этой свободы: он не чувствует тех многочисленных уз, которыми связан с обществом своим происхождением, семейными условиями, положением в обществе, профессией, религиозными предписаниями и т.д. Не надо забывать, что каждый индивидуум приходит в уже сложившееся общество и что каждое общество является продуктом истории, в основе которой лежат не только волевые акты людей и случайности, но и в значительной степени необходимость, проявляющаяся различными способами. А если бы необходимость в социальной жизни отсутствовала, то как можно было бы объяснить тот факт, что в таких совершенно отрезанных от остального мира культурных центрах, как государство ацтеков и империя инков существовали типы государства, аналогичные государствам старого мира? Государство ацтеков имело феодальную основу с выборной монархией, как и ранняя Польша, а государство инков было неограниченной монархией с демократической основой, как сегодняшняя Китай. Имеются лишь две чистые формы правления: республика и монархия, собственно, как и во всем мире естественно, мы имеем дело или с единством или с множеством. Отдельные формы правления являются промежуточными, в одном случае тяготеющие к республиканской, в другом — к монархической конституции. Ацтеки и инки могли выбрать формы правления, продиктованные законами социального развития. Точно так же формировались экономические и правовые отношения в этих двух государствах, в силу тех же самых норм, которые были знакомы и старому миру и которые еще до сих пор действуют в некоторых странах. Ацтеки и инки никому не подражали; они лишь следовали непреложной необходимости социального развития. Такой же необходимости следуют и все религиозные общества, все экономические ассоциации, все преследующие какую-либо общую цель союзы, какими бы необычны-

ми и изменчивыми не были их формы. И это происходит по той причине, что они являются или зарождающимися государствами, или частицами государств, внутреннюю структуру которых они повторяют в сокращенном виде и со всеми существенными факторами. При этом любой индивидуум, любое общество, а также любая государственная власть может действовать в соответствии с целью или против нее; но им не уйти от необходимых последствий их образа действий. В первом случае индивидуум и общество будут продвигаться по пути своего развития, достигать более высокого уровня культуры; во втором, с необходимостью должен наступить регресс, различные патологические явления, дезорганизации и, наконец, смерть.

Такая же самая связь между свободой и необходимостью наблюдается и в муравьином, и в пчелином государстве, но только степень свободы в них значительно меньше из-за низкого уровня развития государственных образований. Муравьиное государство можно рассматривать как республику, пчелиное — как монархию. Пчелиная королева избирается для выполнения ее функций. Выборы могут быть неудачными, как и в любой выборной монархии. Но ошибка может произойти лишь там, где присутствует свобода, пусть даже ограниченная. Животное тоже может ошибаться, подобно человеку, в выборе пищи, жилья, подруги, средств защиты и нападения. В этом отношении животное пользуется определенной свободой, хотя границы этой свободы более узкие, чем у человека, особенно цивилизованного. Из вышесказанного следует, что разделение деятельности индивидуума и социального организма на две категории, одна из которых определяется необходимыми законами природы, а другая — свободной волей человека, лишено всякого основания; это лишь основанная на словах классификация, дающая повод для бесплодных дискуссий. Общественный договор был исторической гипотезой, подобно гипотезам о золотом веке и другим утопиям. Наука не может проводить исследования на основе подобных гипотез.

К классификациям социальных явлений, являющимися бес-
содержательными, следует причислить и те, которые соответ-
ствуют уже установленным в биологии положениям. Подобный
метод всегда ведет к отделению социологии от ее естественной
базы — биологии и позитивной психологии. Вся социальная
энергия должна исследоваться в соответствии с органическим
методом во всем ее значении как потенция биологической энер-
гии. Использование другой классификации при проведении ана-
логий между социальными и органическими процессами могло
бы привести к путанице. Со своей стороны мы подвели все об-
щественные явления и занятия под три категории: экономиче-
ская, юридическая и политическая. Эти категории соответству-
ют, с одной стороны, делению биологии на физиологию, морфо-
логию и тектологию (антропология, зоология, ботаника), с дру-
гой, существующим специальным дисциплинам, предметом
изучения которых является общество; национальная экономия,
правоведение, политика (государственная наука в узком смыс-
ле). Посредством этой классификации социология приводит
каждую из этих дисциплин к соответствующей биологической
сфере явлений и указывает на естественную основу, на которой
они возникли. Царящий в настоящее время в социологической
области хаос прекратится лишь тогда, когда будут биогенетиче-
ски обоснованы предложенные вследствие изучения обществен-
ных процессов классификации. В противном случае возникнет
бесконечная дискуссия. Недавно появившееся учение об исто-
рическом материализме также может дать повод к многообраз-
ным спорам. Социальный обмен энергией, как мы уже доказали
ранее, постоянно сопровождается механическими и химически-
ми процессами и новообразованием материальных составных
частей как в индивидуальной, так и в социальной нервной си-
стеме. Потому речь нужно вести об экономии энергии социаль-
ной нервной системы как о физиологии нервной системы инди-
видуума и особенно человеческого мозга. Странники же исто-
рического материализма представляют экономию социальных
процессов не в таком широком смысле, иначе их учение совпало

бы с учением органиков. Под социальной экономией исторические материалисты понимают хозяйственную жизнь в узком смысле, а именно — как присвоение, производство, распределение и потребление продукта, который прежде всего предназначен для удовлетворения физических потребностей и обозначается общим понятием «продукты питания и защитные средства». Но продукты питания и защитные средства как в социальном, так и в индивидуальном организме не могут вызывать непосредственно рефлексы, а должны вначале быть преобразованы в психическую энергию, после того как они ассимилируются индивидуумом, и индивидуум приспосабливается к ним. Но как долг путь от ассимиляции продуктов питания к образованию тех органов нервной системы, которые рассматриваются как материальные носители высшей психической энергии, видно из того, что эти органы, соответственно социально-эмбриологическому закону, достигают своей зрелости только после восстановления в индивидууме всех этапов предыдущего психического развития его предшественников. Глубокие мотивы чувств, мыслей и желаний любого индивидуума очень далеки от того, что он употребляет в пищу и что употребляли в пищу его предшественники.

Высшие органы нервной системы являются результатом социальной жизни, продуктом действия рефлексов социальной нервной системы. Язык и искусство, которое в своем существе является ни чем иным, как наглядной речью, образуют средства, посредством которых в социальной нервной системе происходит обмен энергией. Социальная нервная система живет и действует, развивается и дифференцируется только в результате непрерывного освобождения и накопления потенциалов энергии со стороны индивидов, а последние в свою очередь получают импульсы для своей деятельности через рефлексы в социальной нервной системе. Основным средством, обуславливающим на пути рефлексов совместное чувствование, мышление и желание, является, как уже говорилось, язык. Поэтому мы считаем оправданным выставить следующий тезис: человек как ин-

дивидуальное существо обязан своим развитием тому, о чем говорилось на протяжении человечества. Человеческая культура в ее совокупности в такой же незначительной степени может быть признана результатом производственных процессов, в какой высшие задатки индивидуума могут быть признаны непосредственным продуктом действия питательных продуктов. Необходимо, напротив, утверждать обратное, а именно, что хозяйственная жизнь, по крайней мере что касается формы и степени культуры, определяется индивидуальными и социальными потенциалами энергии. До тех пор, пока Австралия была населена австралийскими неграми, хозяйственная жизнь там не могла подняться выше уровня первобытного человека. Она достигла современного уровня культуры только благодаря психической энергии европейских поселенцев. И таким путем происходит прогресс культуры во все времена.

И, наконец, необходимо было бы сказать еще следующее: органический метод в социологии — не новое явление. Основатель христианской религии применил его в своих великолепных сравнениях. Объясняя социальный идеал при помощи примеров из животного мира, он заложил основы позитивной социологии. Если бы его сравнения представляли собой только аллегории и риторические выражения, то действие их вряд ли было бы таким глубоким и захватывающим. Христос рассматривал мир не как мечтательный и восторженный наблюдатель красот и мудрой закономерности природы, ее связи с социальными процессами, а как глубоко проникающий исследователь, проявляющий себя во всех явлениях мироздания. Христианская теология развила дальше это интуитивное знание, воспринимая церковь как продолжение тела Христа, как удостоенный высшими органами и дарами индивидуум, как оживленный высокой психической энергией организм. Мы в нашей «естественной теологии» сделали попытку осветить параллелизм между христианским учением и результатами позитивной социологии в этом направлении. Мы посмели сделать это высказывание, убежденные в том, что христианское учение можно постигнуть в его исчерпываю-

щем значении лишь тогда, когда оно будет признано в области науки как истина.

Педагогическое и воспитательное значение органического метода мы достаточно описали в нашей «Социальной патологии», а также в нашем «Графическом методе в социологию». Каждый, кто через школу и воспитание приходит к ясному осознанию того, что человеческое общество является индивидуумом, будет воспринимать и исполнять долг, связывающий его с обществом глубже, многостороннее и честнее, чем тот, для кого государство с его иерархической организацией является только аллегорической фигурой без реального живого содержания. Каждый, кто понимает жизнь общества как унифицированный жизненный процесс, будет иметь более ясное представление о социальном долге и праве, чем тот, кто усвоил лишь фрагментарные знания в области социологии или имеет односторонние взгляды, экономические, юридические или политические. И только тот государственный деятель может творчески управлять, кто подходит к доверенному ему коллективу не как к абстрактному понятию, а как к реальному, оживленному закономерно действующей психофизической энергией организму.

Ранее мы говорили о том, что христианская церковь теологически представляет собой продолжение тела Христа, а поэтому и наделенный живой субстанцией реальный организм. Отсюда члены таких тесно сплоченных и унифицированных церковных общин как католическая и греческая более ясно осознают свою солидарность с общностью, чем члены более свободно построенных религиозных общин и граждан государства. Здесь не только идеальный характер христианского учения, но и реальное устройство христианских церквей приводит к этому результату. Идея приобретает лишь тогда социальную ценность, когда она переходит в кровь и плоть определенного числа индивидов, если она внедряется в социальную нервную систему. Каждый идеал, чтобы быть признанным, должен найти свое выражение в более высоких индивидуальных потенциалах энергии и высших формах общественной жизни. Каждое государство также пре-

следует идеальную цель, но оно одновременно является телом, системой с механической, химической, физиологической и психофизической энергией, и исследование этого процесса образует предмет позитивной социологии. Причем органический метод должен служить верной путеводной нитью на путях социального развития. Таким образом, позитивная социология имеет целью научно доказать и через школу и учение убедить других в правоте того, что христианское учение уже признало истиной.

Гениальные законодатели и народные вожди всех времен: Ликург, Солон, Нума, Карл и Альфред, Петр и Фридрих Великие чувствовали себя энергетическими центрами общества, организовать или органически преобразовать которое они были призваны. Они все были по существу в своей деятельности организаторами. Если бы они были только экономистами, юристами или политиками, то вряд ли имели бы право как узкие специалисты называться гениальными государственными деятелями. Если они в своей деятельности учитывали лишь современность, а не всю предшествующую эволюцию общества как реальной индивидуальности, а также не смогли распознать дальнейший органический ход развития, то ничего жизненного не создали бы кроме случайных и эфемерных преобразований. Социология призывает ясно осознать действительность социальных процессов, как это всегда представлялось подсознательно или полусознательно выдающимся умам. Также и естествознание может исследовать только то, что предлагает окружающий мир и что как объект постоянно служило человеку для познания и деятельности. Нынешние органики являются учителями в области организации подобно тому, как государственные деятели всех времен были практическими организаторами.

Позитивная наука без предмета — бессмыслица. Если социология исследует человеческое общество как общность, то прежде всего она должна определить действительный характер этой общности. Социология по праву была лишена достойного звания самостоятельной науки все то время, пока у нее отсутствовал собственный объект исследования. Благодаря органиче-

скому методу этот объект, реальная индивидуальность государства людей, найден и осознан, хотя и пока незначительной частью исследователей. Отрицая этот объект, социология отрицает саму себя как самостоятельную науку. В этом случае не может быть социологов, но лишь антропологи, этнографы, экономисты, правоведы, историки. Среди них находятся и такие, кто претендует на звание социолога; в последнее время возникли такие науки как антропосоциология, социология права, социальная экономика, социальная философия истории и т.д. Для того чтобы эти промежуточные науки получили право на существование, им прежде всего нужен объект — государство людей, который они должны признать. Но полусоциологи не хотят признать государство индивидуальностью, а признают лишь личности, из которых государство состоит. При этом они забывают, что каждая личность сама является коллективным образованием, состоящим из клеток. Клетки в свою очередь состоят из молекул, а те из атомов, существование которых не смог еще констатировать ни один исследователь. По тому же самому праву, по которому отрицается индивидуальность государства, можно было бы отрицать индивидуальность каждой отдельной личности, даже клетки и молекулы. Отрицание индивидуальности человеческого государства приводит к тому, что все социальные процессы воспринимаются как дефиниции понятий и что социологическая терминология и классификация социальных явлений сводится лишь к понятиям. Эти понятия, как утверждал Ф. Бэкон, в конце концов признаются реальностью и приобретают значение идолов, если закрывают путь к любому объективному исследованию. Полемика между органиком и подобными субъективными социологами также бесплодна, как и полемика между естествоиспытателем и метафизиком. Первый стоит на твердой почве и исследует эволюцию явлений шаг за шагом, переходя от простых к самым сложным. Субъективный социолог и метафизик прячут в безвоздушном пространстве на крыльях абстрактных понятий. Но это может позволить себе, пожалуй, только поэт и художник, а исследователь должен стараться не терять почву

под ногами. А для социологов этой твердой почвой является естествознание. Поэтому мы заканчиваем словами, которыми были сказаны в начале этой работы: всякая социология — биология.

Перевод с немецкого Г. П. Кузьминой